

ЭО, 2007 г., № 1

© Т.С. Макашина. Рец. на: Л.Е. Фетисова, Г.Г. Ермак, М.Б. Сердюк. *Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект* / Ред. Л.М. Смирнова. Владивосток: Дальнаука, 2004. 190 с.

Книга, подготовленная сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ РАН, посвящена социокультурной адаптации – теме, которая до сих пор остается одной из наименее изученных в этнологии. Вместе с тем она весьма актуальна, поскольку миграционные процессы не только не затухают, но даже становятся более интенсивными, а конкретных исследований в этой области недостаточно. Работа расширяет представление о значении духовной культуры в социальной адаптации населения большого региона, а также в процессе освоения новых территорий.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обосновывается актуальность темы и ее значение не только для тех, кто занимается историей и культурой Дальнего Востока, но и для исследователей общих проблем культурологии. Авторы, не ограничиваясь адаптационной ролью фольклора, касаются и более общего вопроса – культурной адаптации в целом. Они знакомят читателя с имеющимися методиками изучения этого процесса, подчеркивая значение трудов отечественных этнологов.

Исследователи отмечают, что к настоящему времени собран обширный материал, посвященный особенностям народной традиции в разных регионах России. Эти данные, проанализированные под новым углом зрения, демонстрируют особую значимость традиционной культуры для гармонизации общественных отношений. Сделанные наблюдения особенно ценны для понимания такого явления, как "этнический парадокс современности" (т.е. резкий всплеск этнического самосознания), поразившего мир в конце XX столетия; его недооценка чревата серьезными последствиями.

Учитывая опыт изучения культурной адаптации, исследователи приходят к важному выводу: при анализе этих процессов "целесообразно опираться на древний пласт базисных традиций, которые содержат наибольшее число если не генетически, то типологически близких явлений". При таком подходе удастся не только выявить историческую специфику, но и осуществить широкие сравнительно-сопоставительные исследования. Полученный вывод существенно уточняет господствовавший в советской науке постулат о том, что "культура развивается исторически, развивается прогрессивно в поступательном движении общественно-экономических формаций". Такой подход, по мнению авторов, может быть справедлив только относительно профессиональных форм культуры, поскольку оставляет в стороне ее "традиционно-бытовой слой, отличающийся большой устойчивостью".

Характеризуя процессы адаптации, происходившие у русского населения на Дальнем Востоке, авторы отмечают, что, с одной стороны, эти процессы подчинялись общим закономерностям, т.е. «все переселенцы переживали "культурный шок", из которого выходили на протяжении жизни двух-трех поколений». С другой стороны, эти процессы имели и свои принципиальные отличия. Самое существенное заключалось в том, что освоение территорий к востоку от Урала происходило при осознании переселенцами своей государственной принадлежности, вос-

Татьяна Сергеевна Макашина – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

принималось ими как заселение окраины империи русскими людьми и способствовало вторичной консолидации восточных славян (русских, украинцев, белорусов). «Таким образом, в полном соответствии с государственной политикой на уровне идеологии наблюдалось единение нации, обычно сопровождавшееся переменной самосознания в пользу "титulyного"» этноса. Что касается выбранной темы – "адаптационной роли фольклора", то исследователи объясняют: "именно с приобщения к устному творчеству начиналась деятельность большинства культурных автономий в Приморском крае".

Авторы поставили целью "показать специфику базисных составляющих народно-бытовой культуры (прежде всего фольклорной) у разных этнографических групп восточнославянского населения, выделенных по нескольким признакам: этническому (русские, украинцы, белорусы), территориальному (сельская община), сословному (казаки, крестьяне), конфессиональному (представители официального православия, старообрядцы, старорусские сектанты)".

Первая глава – "Формирование восточнославянского населения на юге Дальнего Востока России и бытовой уклад переселенцев во второй половине XIX – начале XX века", насыщенная интересной и разносторонней информацией, дает достаточно полное представление о жизни восточнославянского населения в разные исторические периоды. В ней приводятся данные об основных районах расселения мигрантов, определяются места их исходов, показаны пути и способы переселения, описаны условия проживания на новых землях. При этом отдельно для каждой этнической группы определяется конфессиональная принадлежность и социальный статус. Анализируется и роль государственной политики в процессе заселения края. Взаимодействие русских колонистов и аборигенов рассматривается как встреча разных цивилизаций, чьи взаимоотношения во многом повлияли на специфику этнокультурной ситуации в регионе.

В ходе освоения новых земель и формирования русского населения было три этапа: 1) дореформенный (1855–1861); 2) пореформенный, или капиталистический (1861–1900); 3) империалистический (1901–1917). Показан не только быт сельских жителей, но и жизнь населения возникающих на новом месте городов и поселков, крупных морских портов. Особое внимание уделено культурной роли этих административных центров. Исследователи отмечают изменения, которые происходят в ментальности жителей крупных железнодорожных узлов и городов, возникших в разное время на основе шахтерских поселков. Отмечено, что при всех изменениях крестьянская традиция в сфере духовной культуры (обрядовая практика, фольклорный репертуар) на семейном уровне сохранялась довольно долго.

В зависимости от преобладающего типа хозяйственной деятельности, обусловленной особенностями географической среды, сложились семь экономических зон, которые характеризуются с точки зрения этнического состава населения и его культурных традиций. Отмечая их многообразие, исследователи подчеркивают, что консолидации переселенцев, формированию общего пространства способствовало четкое осознание ими единой государственной принадлежности. Значительную роль в этом процессе сыграла православная церковь, объединявшая переселенцев из разных мест и создававшая благоприятный психологический климат. Православной церкви и специфике религиозной жизни на Дальнем Востоке уделено особое внимание. Говорится и о местных старообрядцах и сектантах.

Интересны наблюдения о роли женщины – главной хранительницы бытовой культуры – в формировании уклада переселенцев. На Дальнем Востоке в силу характера заселения (особенно на первом этапе) женщины уступали по численности мужчинам, что не могло не повлиять на многие стороны жизни. Поскольку в крестьянской и казацкой среде эта диспропорция была не столь значительна, то в селах и станицах складывались более благоприятные условия для передачи традиции, чем в городах и рабочих поселках. Однако и здесь были свои проблемы, например, связанные с малым числом пожилых людей – носителей культурных традиций.

Значительная часть главы отводится истории формирования хозяйственного уклада и общественных отношений. Авторы делают важные наблюдения об адаптивных возможностях, реа-

лизующихся в хозяйственных отношениях у разных групп населения. Отмечена сравнительно высокая способность к адаптации у старообрядцев и молокан.

В связи с темой монографии более подробно обсуждается формирование культуры русского населения. Опираясь на мнение С.А. Арутюнова, рассматривающего "ретроспективную избыточность" культурного наследия как необходимую основу для достижения адаптивного эффекта, авторы пытаются оценить с данной точки зрения потенциал восточнославянской культуры на Дальнем Востоке, обусловленный сохранением переселенцами своих этнических традиций. Они отмечают: "Опыт дальневосточников подтверждает научный тезис о вариативности как способе бытования традиций в сфере не только духовной, но и материальной культуры. Вместе с тем различия на микролокальном уровне не препятствовали существованию некоего регионального единства".

В целом этот раздел монографии позволяет достаточно объемно представить процессы, происходившие в духовной культуре переселенцев и в частности в традиционном фольклоре.

Вторая глава посвящена обрядовому фольклору. В ней рассматриваются аграрно-календарный комплекс и свадебный обряд. Родильный и похоронный обряды остались вне поля зрения авторов безо всяких объяснений причин их отсутствия. Сообщается, что на бытовом уровне мигранты стремились к воссозданию культурного пространства этнической родины. На первом этапе освоения дальневосточных земель бытование аграрно-календарного комплекса было обусловлено желанием сохранить прежнюю направленность хозяйственной деятельности. Далее вступила в силу инерция традиции. Отмечается, что и "во второй половине XIX – начале XX в. многие обряды, несмотря на эволюцию в сторону развлекательности, имели полифункциональный характер: продолжали выполнять ритуально-магическую, эстетическую и прагматическую функции". Однако в целом аграрно-календарная обрядность воспринималась скорее как "духовное достояние, нежели как руководство к действию".

Рассматривая бытование аграрно-календарного комплекса у разных групп населения, исследователи приходят к заключению, что переселенцы не только достаточно долго сохраняли традиции мест своего исхода, но и взаимно обогащали друг друга. Так, старожилы Приамурья были носителями сибирской традиции, восходящей к севернорусскому типу, который проявлялся как в обрядах, так и в сопровождавшем их фольклоре. Напротив, в большинстве селений Приморской обл., включавшей территории нынешних Хабаровского и Приморского краев, отмечается южнорусская традиция, принесенная в результате массового переселения из южных губерний России на рубеже XIX–XX вв. Переселившиеся украинцы не только сохранили фольклор зимнего цикла календарной обрядности лучше других восточных славян, но и обогатили святочный репертуар соседних народов.

При обсуждении весенне-летнего цикла подробно рассмотрены хороводные песни, приуроченные к послепасхальному периоду. Анализируя летний период, авторы приходят к заключению, что "если ритуальная сторона купальской обрядности у всех групп восточных славян имела общие черты и сохранилась хотя бы в виде нарративов, то песенное сопровождение оказалось разрушенным. Лучше других его сохранили украинцы". Что касается осенних ("осенских") песен, то они большей частью были представлены лирическими образцами, отражавшими приближение очередного брачного сезона, который открывался с Покрова.

Очень интересны наблюдения относительно системы праздников в календаре старообрядцев, духовных крестьян и молокан. Анализ имеющегося материала показывает, что «в календарной обрядности Приамурья и Приморья в конце XIX – начале XX в. наиболее отчетливо выделялись два крупных этнографических пласта, связанных с самым многочисленным переселенческим потоком, – выходцами из южных губерний России: 1) украинский, в котором стержневым являлся репертуар "неподвижных" праздников, сопряженных с зимним и летним солнцеворотами, – Рождества и Ивановой ночи; 2) русско-белорусский, где особую роль играло фольклорное сопровождение скользящих праздников, сгруппированных вокруг Пасхи, – от Масленицы до Троицы».

Для новосельских территорий имела важное значение свадебная обрядность, причем ее фольклорная составляющая играла первостепенную роль. Обрядовая схема была сходной у всех групп восточных славян, а этническая специфика проявлялась прежде всего в музыкально-поэтическом оформлении ритуалов, наиболее отчетливо разграничивающем русские и украинские традиции.

Севернорусская традиция особенно заметна в старожильской свадьбе переселенцев из Сибири. В обряде первых поколений амурских казаков прослеживается генетическая связь с забайкальским фольклором, но в то же время появляются некоторые новые мотивы. Эти традиции определили культурную специфику у значительной части казаков-старожилов и крестьян-старообрядцев.

Переселенцы из западных и северо-западных районов Черниговщины привезли на Дальний Восток ощутимое влияние белорусской культуры. Несмотря на хорошую сохранность белорусского свадебного репертуара на Дальнем Востоке, в целом он испытывал заметное влияние со стороны русской и особенно украинской свадьбы; происходило активное взаимодействие русской, украинской и белорусской обрядовых традиций.

Как показали авторы, по-разному отразилась на бытовании свадебного обряда принадлежность населения к разным конфессиям, например, духовные христиане, в отличие от старообрядцев, не искали опоры в старорусских традициях. Их бракосочетание можно назвать «торжественным обрядом, лишенным, однако, "светских" развлечений». «Обрядность молокан утратила яркие краски традиционной восточнославянской свадьбы, которую играли всем "миром". На первое место выступало деловое соглашение, заключавшееся сторонами в целях продолжения рода и увеличения числа единоверцев».

В отказе духовоборов и молокан от народных традиций авторы видят одну из причин поглощения их баптизмом. Напротив, в православной среде традиционная свадебная обрядность, включая фольклорное сопровождение, сохранила свои основные функции. Причем происходила даже «актуализация традиционных форм». «Благодаря этому, – отмечают авторы, – поддерживалась духовная связь с исторической родиной, что способствовало снятию стресса, вызванного переселением на столь отдаленные земли. В таком ракурсе можно говорить об адаптационном эффекте культурного наследия».

В целом глава получилась интересной и насыщенной, некоторую досаду вызывают небольшие редакторские огрехи.

Третья глава посвящена необрядовому фольклору. Общеизвестно, что сословная принадлежность носителей фольклорной традиции сказывается на жанровом составе репертуара. Это подтверждают и авторы данной главы, анализируя фольклор казаков Дальнего Востока. Как уже говорилось, казачий фольклор был важным компонентом культуры региона, а первые остроги Приамурья представляли собой не только военно-административные единицы, но и центры распространения русской культуры, в том числе и религиозной. Казачья колонизация повлияла на распространение разных видов эпического жанра. Собираателям фольклора удалось зафиксировать две были, исторические песни, создававшиеся на основе военных событий, происходивших в данной местности. Исторические песни служили сословно-консолидирующим фактором для мужской части населения станиц. В репертуаре крестьян-переселенцев дольше сохранялись сюжеты, связанные с историей Европейской России: их сознание имело как бы «ретроспективную направленность».

В отличие от репертуара военных, основу сельского репертуара составляла старая крестьянская песня, представленная семейно-бытовой любовной лирикой. Главными хранительницами и исполнительницами этих песен были женщины. Семейная лирика была представлена преимущественно «элегическими» произведениями, близкими по своему эмоциональному настрою русскому репертуару. Основной слой любовной лирики дальневосточников состоял из украинских песен. Более того, по мнению авторов, украинская лирика стала «культурным донором» для соседних групп русских и белорусов.

Изучение бытования хороводных песен показало, что они были более характерны для русских и белорусов, а плясовые – для украинцев. Однако со временем произведения позднего происхождения, исполнявшиеся в быстром темпе, могли переходить в плясовые, становиться достоянием общерегионального молодежного репертуара.

Относительно лирики городских и слободских слоев населения авторы отмечают, что на ранних этапах она была связана с крестьянской лирикой, но постепенно освободилась от нее. Во второй половине XIX в. наметился обратный процесс: мещанская баллада, городской романс, песни литературного происхождения не только вошли в крестьянский репертуар, но повлияли на поэтику и музыкальный строй традиционной песни. В произведениях позднего происхождения господствовал русский язык. В этом виде они бытовали у всех восточных славян региона.

В главе рассматриваются и другие песенные жанры, получившие бытование на территории заселения: тюремная лирика, революционные песни, частушки. Дальневосточные частушки имели ярко выраженные региональные особенности. Этот гибкий продуктивный жанр играл важную роль в духовном общении переселенцев.

Подводя итоги анализа необрядовой песни, авторы заключают: "К началу XX в. в региональном фольклорном фонде наряду с локальными традициями первопоселенцев, продолжавшими выполнять этнодифференцирующую функцию, уже существовал общий надэтнический репертуар, который, с одной стороны, способствовал консолидации дальневосточников, а с другой, включал их в общее культурное пространство России".

В складывающемся едином пространстве дальневосточной культуры особняком стояло песенное творчество конфессиональных групп, оппозиционных официально православию: старообрядцев и старорусских сектантов. Их культурная традиция, по мнению авторов, не оказала существенного влияния на общерегиональную культуру, в то время как влияние "мирского" общества на "раскольничью" молодежь все же имело место.

Что касается прозаических жанров, то в репертуаре дальневосточников они не играли заметной роли. Эти жанры представлены разновременными образцами; степень их распространенности неодинакова. Бытующие повествовательные жанры авторы в соответствии с принятой классификацией делят по принципу исторической достоверности на два пласта – сказочная и несказочная проза.

Для местной сказки была характерна большая бытовизация даже волшебных сказок. Впрочем, подчеркнутая бытовизация сказочных ситуаций является отличительной чертой этого жанра во второй половине XIX – начале XX в. почти повсеместно. В местной традиции популярные сюжеты нередко получали региональную приуроченность, происходила замена прежних действующих лиц новыми, ассоциирующимися с данной местностью.

Отмечаются также и другие общие для всей территории процессы, характерные для народной прозы XIX–XX вв., например, размывание жанровых границ. В сказку включаются персонажи различных верований: домовые, кикиморы и прочие представители низшей демонологии, которые раньше были действующими лицами быличек.

Распространение и бытование разных жанров несказочной прозы во многом зависело от этнической, конфессиональной и сословной принадлежности исполнителей. Так, по наблюдению авторов, легенды, т.е. рассказы религиозного характера, особенно широко были представлены в украинской традиции, поэтому их чаще записывали в южных районах, где было много переселенцев из Украины.

У старообрядцев в большем ходу были утопические легенды о земле обетованной, а также эсхатологические рассказы о конце света, о царстве антихриста, о втором пришествии Христа, т.е. сюжеты, характерные для репертуара их единоверцев других регионов России.

Духовные христиане отдавали предпочтение рассказам о сбывшихся пророчествах и чудесах, совершенных их одноверцами.

В казачьей среде имели хождение историко-героические сюжеты. Главным образом это были рассказы об участии в военных конфликтах конца XIX – начала XX в. Они выполняли важ-

ную социальную роль, воспитывая в подрастающем поколении чувства патриотизма и гордости за отцов и дедов.

Наиболее продуктивными в системе устной прозы оказались топонимические предания. Многие из них посвящались первопоселенцам, чьи имена носили населенные пункты, водоемы, возвышенности и другие микропонимы.

Имели хождение так называемые "байки", особенно мемораты, т.е. рассказы-воспоминания. Именно этот вид народной прозы наиболее полно представлен в дальневосточном материале. Часть сюжетов связана с жизнью на исторической родине. Большой пласт составляют рассказы об освоении края. Появление таких рассказов, по мнению авторов, свидетельствует об адаптации мигрантов к новым условиям.

Подводя итоги своим наблюдениям, авторы главы приходят к выводу, что "система устной прозы в бытовой культуре дальневосточников выглядела как обобщенная микромодель, в которой нашли отражение наиболее типичные фольклорные процессы".

Проведенные исследования позволили авторам в заключительном разделе книги сделать следующие выводы: адаптация иммигрантов и внутренних мигрантов особенно в конце XIX – начале XX в. по основным параметрам подчинялась общим закономерностям. Однако в этом процессе проявились и принципиальные отличия. «Самое существенное, – отмечают составители книги, – заключается в том, что освоение территории к востоку от Урала происходило при осознании переселенцами своей государственной принадлежности, которая сохранялась и на новом месте. Движение "встречь солнца" воспринималось как заселение окраин империи русскими людьми и способствовало вторичной консолидации восточных славян (русских, украинцев, белорусов). Таким образом, в соответствии с государственной политикой на уровне идеологии наблюдалось единение нации, сопровождавшееся переменной самосознания в пользу "титального" этноса».

В то же время этническая идентичность здесь по-прежнему могла "ассоциироваться с территориальной, религиозной или сословной принадлежностью. Каждая из групп заботливо сохраняла специфические черты традиционно-бытовой культуры, в которой важное место принадлежало фольклорному наследию".

Для мигрантов первого поколения адаптационные функции выполняли этнические традиции в их локальных вариантах, которые создавали привычную культурную среду и тем самым помогали снять стресс от переселения. В отличие от них у поколения, рожденного на новом месте, «аналогичную роль стали играть традиции, носившие "надэтнический" характер. Причем явления фольклорной культуры могли получать такой статус независимо от изначальной этнической принадлежности: значение имело прежде всего их участие в сложении общего репертуара».

В заключении следует сказать, что эта книга интересная и содержательная. Привлекает спокойная манера изложения, продуманность в подаче материала, аргументированность выводов. Она безусловно будет интересна и полезна как для профессионалов, занимающихся этнической историей и фольклором, так и для любителей, интересующихся этими темами. Несомненно ценным и желательным дополнением к опубликованному исследованию было бы издание сборника фольклора всех восточнославянских групп Дальнего Востока.